

Калле КАСПЕР

НЕВОЗМУТИМОСТЬ

Алексей Пурин. Астры: Книга новых стихов. – М.: СТиХИ, 2021. – 64 с. – (Серия «Срез». Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт»).

«Поэзия бывает многолика...» Кто так сказал? Возможно, я сам? Неважно. Поэзия – да, но не поэт. У поэта должен быть свой лик-облик, что-то, что делает его узнаваемым. У Пурина этот облик есть, и вырисовывается с каждым новым сборником (а «Астры» – его восемнадцатая книга стихов) все отчетливее – будто скульптор начал ваять барельеф, и, долго трудясь, в значительной степени завершил его. Конечно, какие-то детали еще не доделаны, в левом верхнем углу мрамор пока нетронут – интересно, что там будет? – но общий замысел узреть возможно.

Пурин – певец Истории. Поэзия в целом – искусство сиюминутности: уловить момент, минуту, секунду, и запечатлеть чернилами, гелем, графитом. Даже Кавафис, пожалуй, самый известный современный/недавнего прошлого поэт, проникавший мыслями в стародавние времена, все равно пытался как бы «втиснуться» в них, занять место своих героев; но Пурин не таков. Пурин сохраняет дистанцию – не только тогда, когда его разделяют с описываемыми событиями века, но и рассказывая о недалеком прошлом.

Пурин – певец воспоминаний, и о тех, и об этих временах, он как будто держит в голове все эпохи, все континенты и всех героев. Амплитуда его опытов огромна – от Троянской войны до распада СССР. В этом он переплюнул даже Кавафиса – если недревний грек сосредотачивался на истории, близкой ему по пространственной координате, то охват Пурина значительно шире, он рассматривает, можно сказать, всю историю Европы, и заглядывает даже в джунгли Африки!¹).

А с Кавафисом они как-то встречались – где-то во втором веке до нашей эры, в эпохе Селевкидов².

Что ищет Пурин в этих, разных и одновременно похожих, эпохах (похожих тем, что везде суетится homo sapiens)? Смысла жизни? Бога? Героя? Человека? Или всего этого, вместе взятого? Намеков немало, вот, например, одно из лучших, на мой взгляд, стихотворений сборника, посвященное Алексею Машевскому: «Ахилл, Ликомед, Одиссей. Барельефы античного саркофага» об известном мифе (мифе?) про Ахилла, которого мать спрятала на острове Скирос, чтобы ему не пришлось идти на войну и погибнуть, и где его

...облачают в девичьи наряды,
прикрепляют локоны до плеч.

Хода нет ему из гинекея.
В комнатах для царских дочерей
прясть ему и вышивать, тупея...
Ни Арес не тронет, ни Нерей...

Хитроумный Улисс разоблачает трусливую тайну юноши, после чего

¹ Стихотворение «Заирская песня. 1971–1997».

² У Пурина, как и у Кавафиса, есть стихотворения о Деметрии Сотере и Александре Баласе (см. А. Пурин. Седьмая книга, СПб, 2017).

Голос:

Будет всё – невиданная Троя,
гнев небесный, сладость битвы, страсть,
торжество коварства и разбоя,
драка псов за золото и власть,

гибель друга, бой, что лют и жарок,
тело, распостёртое в пыли,
вероломных эллинов подарок,
спрятанные в бухте корабли,

берег, погребальными кострами
озарённый (сколько дров и жил!),
и пиры, и песни вечерами,
Смерть сама... А значит: жив Ахилл!

И Хор, введенный автором, наподобие греческой трагедии, заканчивает:

Отпрыск Пелеев
славы вкусил.
Сгинула Троя.
Смерть не страшна,
если она
на поле боя
примет героя.
Вечен Ахилл!

Понятно, что для обретения бессмертия надо идти своей дорогой, что бы ни случилось. Судьба ли это, или сознательный выбор? Есть ли тут место Случаю? Ахиллу он, в итоге, помог (страшно подумать, что было бы, если бы он остался в девичьем обществе до конца своих дней), а вот герою заглавного цикла сборника «Астры» – не очень. Да, сперва вроде все получалось: победоносные бравые походы – Маренго, Аустерлиц, Йена, затем – ворота Москвы, пройденные туда и обратно, а потом – Ватерлоо, что еще не так страшно, если бы он там погиб, но вот финал...

Завтра – дремота тлена,
 плен и – в луже плевок –
 крошечная Елена,
чёрт-те где островок.

Финал, конечно, не из приятных.

Тем не менее, несчастный пленник двух островов тоже навсегда остался в истории, доказательством чего могут служить многочисленные стихи, посвященные ему в стране, которую он пришел завоевывать (освободить?). Уникальная, прямо скажем, ситуация. Можете себе представить, чтобы русские поэты стали слагать песни о Гитлере? (Разве что карикатурно-сатирические.) А герою «Ста дней» слагают. Вот вам наглядная разница между этими двумя личностями.

А как же Россия? О ней Пурин не поет?

Поет, поет – и грустно поет. Здесь в той невозмутимости, с которой он рассказывал об Ахилле или Наполеоне, образуется брешь.

Не пожелал отречься от отца –
и в штольню вместе с родичами брошен.
...А стихотворцем мог бы стать хорошим,
родись он чуть подальше от венца.

Пушок нимфеток, бабочек пыльца...
И он столетьем был бы огорошен –
и жил бы тем же эмигрантским грошем,
не потеряв и в бедности лица.

.....
Жестокий век кровавых лотерей!
По статусу, но всё же не по блату,

он галисийских избежал полей,
но принял за Романовых расплату –
единственный на свете князь Палей.

(Из цикла «Разрушенные сонеты»)

Этим, можно сказать, гимном честности и достоинству Пурин увековечил имя погибшего молодого коллеги³.

Но история России – это не только история Российской империи; как составное, и наиболее важное звено Россия вошла и в другую империю, ту самую, основатели которой убили не только единственного князя Палея, но и большинство его родственников, во главе с теми четырьмя девочками и одним мальчиком, которые, родившись в Петербурге, погибли в Екатеринбурге (и когда же этих душегубов наконец всенародно проклянут?).

История СССР, совсем другой страны, другого государства, и – можно смело сказать – другой цивилизации, в отличие от Российской империи, уже наша – родная история, прожитая и тоже ставшая прошлым. Теперь можно о ней говорить – не столь потому, что раньше было опасно, сколь потому, что сейчас она лучше видна.

Было время, когда лирический герой сборника «Астры» проектировал заводы и ездил с этой целью в Чечню, теперь он пишет: «В райцентре нас встречала председатель / райисполкома, девушка совсем», а затем добавляет: «...Что с девушкой стало – / подумать страшно – десять лет спустя...»? Что он имеет в виду? Что она так сильно постарела? Иностранцу может и так показаться, но мы-то знаем, что автор имел в виду другое – что с ней сделали война, распад империи и новый статус Чечни? Она жива? Бежала? Или переделалась в черное и носит закрывающую лицо «вуаль»?

Так или иначе, проектировщиков обильно угостили, а завод так и не был построен – звучит почти как метафора всей нашей жизни в той, и страшной и смешной, стране.

Белый стих, использованный в этом стихотворении, дает возможность подобрать самые точные слова для описания эпохи – получается что-то вроде поэтических мемуаров, весьма эффектных по сравнению с мемуарами обычными.

Пурин, как мы сказали – певец Истории. Но писать об истории трудно, вечно подстерегает опасность запутаться во времени; не обошла она и Пурина. Можно смириться с тем, что Москва 1812 года названа «брошенной столицей», у России же традиционно две столицы, но то, что Наполеон сравнивает свой сон с немим кино («Замершее движенье... Боро... дино... вино... Сонное наважденье – словно в немом

³ Можно еще вспомнить созвучную этому стихотворению «К.Р.» из сборника Пурина «Седьмая книга».

кино») – это, конечно, анахронизм. Хотя кто не ошибался! Наверняка и у Гомера бывали ляпы. (Да и я сам не исключение.)

Важно другое – отношение Пурина к истории. Оно деликатное, вдумчивое. Пурин смотрит на историю не иронично, как его предтеча Кавафис, и не цинично, как другой, недавний предтеча, культ которого особенно силен в родном для Пурина Петербурге, а невозмутимо, иногда с мягким юмором, иногда – с сочувствием...

А пафос поэта? А пафос – вот он:

Deus conservat omnia

Всё сохраняется – гербарий
и драгоценный саркофаг,
дивидиромы дивных арий,
мыслехранилища бумаг,
секрет желёз, секреты наций,
и сталактит, и сталагмит,
инскрипты, перечни реляций...
Лишь душу Бог не сохранит.

Бог сохраняет всё – руины
Равенны, Рима, гул Ла-Скал,
громады гор, простор долины,
холмы Тосканы, что искал
в тоске, не дочитав Назона...
Души же призрачны черты –
хранить их Богу нет резона.
За душу отвечаешь *ты*.

Что же сказать под конец? И кому? Читателю, понятно что – читать (Пурина). А самому автору? Чтобы он завершил свой «барельеф»? Это само собой. Но чем именно ему заполнить пустующую часть?

Может, гекзаметрами?